

Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова

Ирина Александровна Киселева¹, Ксения Алексеевна Поташова²,
Алена Сергеевна Ермакова³, Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения» (Россия, Москва),
ia.kiseleva@mgou.ru¹, ka.potashova@mgou.ru², as.ermakova@mgou.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724010076

АННОТАЦИЯ: Целью исследования является выявление типологии смысловых обозначений Кавказа в творчестве Лермонтова. Установлено, что «кавказский текст» Лермонтова детально воспроизводит местный колорит, представляет срез кавказской жизни эпохи военной кампании 1820-х — начала 1840-х годов. Утверждается, что Кавказ в художественном мире Лермонтова отличается топографической точностью, его словесной репрезентации присущ очерковый характер, выражающийся в использовании особой топонимики, многообразии именовании населяющих его народов, в передаче их характеров и взаимоотношений. В статье систематизированы лексико-семантические средства передачи социокультурного, исторического, географического образа Кавказа, рассмотрена семантика топонимов, этнонимов и этнографизмов в лирике, прозе, эпистолярии Лермонтова. Выявлено, что одним из ведущих принципов поэтики Лермонтова при создании образа Кавказа является раскрытие в тексте произведений этимологии и значения названий поселений, рек, гор. Сопоставление топонимических единиц, характерных для Лермонтова, с именованями кавказских земель на военно-исторических картах первой половины XIX в. показало, что поэт активно использует адаптированную лексику, принадлежащую словарному составу действующей русской армии, тем самым представляет взгляд русского кавказца. Проводится сравнение «кавказского

текста» Лермонтова с мемуарной и очерковой литературой первой трети XIX в., что позволяет реконструировать представление о Кавказе в русском обществе 1820–1840-х гг. В результате проведенного исследования доказано, что, детально раскрывая язык и культуру горцев, Лермонтов изображает Кавказ и в его онтологии, связанной с пониманием сущности восточного мира, и в его конкретно-исторической этнографически яркой явленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказ, Восток, языковая картина мира, М. Ю. Лермонтов, топонимика, этнографизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Киселева И. А., Поташова К. А., Ермакова А. С. Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 2024. № 1. С. 82–97. DOI: 10.31857/S0131611724010076.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00025.

The Language of Fiction

Lexic-semantic Representation of the Image of the Caucasus in the Works of M. Yu. Lermontov

Irina A. Kiseleva¹, Ksenia A. Potashova², Alyona S. Ermakova³, State University of Education (Moscow, Russia), ia.kiseleva@mgou.ru¹, ka.potashova@mgou.ru², as.ermakova@mgou.ru³

ABSTRACT: The purpose of the study is to identify the typology of semantic designations of the Caucasus in Lermontov's work. It is established that Lermontov's "Caucasian text" reproduces the local flavor in detail, presents a cross-section of Caucasian life during the military campaign of the 1820s — early 1840s. It is argued that the Caucasus in Lermontov's artistic world is distinguished by topographic accuracy, its verbal representation is specified by an essay character, expressed in the use of special toponymy, the variety of names of the peoples inhabiting it, in the transmission of their characters and

relationships. The article systematizes lexical and semantic means of transmitting a socio-cultural, historical and geographical image of the Caucasus, examines the semantics of toponyms, ethnonyms and ethnographisms in Lermontov's lyrics, prose and epistolary. It is revealed that one of the leading principles of Lermontov's poetics when creating the image of the Caucasus is the disclosure of etymology and meaning of the names of settlements, rivers and mountains in the text of the works. The article presents a comparison of a "Caucasian text" with the memoir and essay literature of the first third of the 19th century, which allows us to reconstruct the idea of the Caucasus in Russian society in the 1820s–1840s. As a result of the conducted research, it is proved that, revealing the language and culture of the highlanders in detail, Lermontov depicts the Caucasus both in its ontology, connected with the understanding of the essence of the Eastern world, and in its concrete historical ethnographically vivid manifestation.

KEYWORDS: Caucasus, East, language picture of the world M. Y. Lermontov, toponymy, ethnographism

FOR CITATION: Kiseleva I. A., Potashova K. A., Ermakova A. S. Lexic-semantic representation of the image of the Caucasus in the works of M. Yu. Lermontov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 82–97. DOI: 10.31857/S0131611724010076.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-28-00025.

После присоединения в 1801 г. к Российской империи Восточной Грузии под влиянием первых впечатлений от картин первозданной природы и свободолюбия горцев оформился романтический образ Кавказа как пространства «широкой раздольной воли» [Белинский 1900–1948: XII, 16]. В течение 1820–1830-х гг. образ Кавказа постоянно обогащался и пополнялся за счет обрастания новыми личностными коннотациями, чему способствовали как глубокое проникновение в кавказскую культуру, быт, познание нравов кавказцев через столкновение с ними, так и реалистический вектор развития литературы. Романтический образ Кавказа постепенно дополнялся военными и социальными реалиями, приобретающими знаковый характер. Отсутствие полноценного этнографического и географического освещения кавказских земель в первой трети XIX в. восполнялось путевым, эпистолярным и собственно художественным материалом побывавших там писателей и военных. Именно они формировали

устойчивое представление о нем и служили «источником для пополнения русского языка восточной лексикой» [Добродомов 1967: 374].

Интерес Лермонтова к нравам, культурно-бытовым особенностям, устно-поэтической традиции неоднократно отмечался в лермонтоведении и становился предметом специального научного изучения [Ахмадова 2018, Багратион-Мухранели 2019, Захаров 2014, Лотман 1985, Маркелов 2008, Семенов 1939, Ходанен 2015]. Не оставалась без внимания исследователей и лексическая репрезентация образа Кавказа [Бородина 2018, Дионк 2011, Джубаева 2008, Шипулина 2016]. Однако целостного исследования репрезентативных средств организации «кавказского текста», отражающего эпоху Кавказской войны, не проводилось, в то же время обращение к смысловым обозначениям кавказского пространства позволяет уточнить смысловую наполненность топоса Кавказа в художественном мире Лермонтова.

Для передачи социокультурного, исторического, географического образа Кавказа поэт активно использует три лексических пласта. Это топонимические единицы, обобщенный функционал которых связан с задачей пространственной локализации событий; этнонимы, служащие средством изображения этнокультурных сообществ; этнографизмы, воссоздающие элементы национальной культуры. Наиболее значимую роль в этом спектре лексических единиц занимают различные топонимические единицы, призванные создавать этническое и/или историческое пространство, в котором развиваются события. Ведущим обозначением образа Кавказа является соответствующий топоним — *Кавказ*, выступающий как обобщенная номинация территории: «В теснине *Кавказа* я знаю скалу» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 215]; «*Кавказ!* далекая страна! // Жилище вольности простой!» [Лермонтов 1954–1958, т. 1: 107].

Помимо именованной территории привычным топонимом *Кавказ*, Лермонтов использует обобщенное образное именование *Восток*. Традиционно обозначающий сторону света («Яснеет уж *восток*, // Черкес проснулся» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 173]), *восток* в литературе лермонтовского времени приобретает дополнительную коннотацию — это пространство, окруженное ореолом таинственности, приобретающее «характер романтической ирреальности» [Киселева 2019: 95]. Примечательны в этой связи случаи написания слова *Восток* Лермонтовым с прописной буквы в ее «выделительной функции» [Шмелев 2017: 699] как географической территории: «Златой *Восток*, страна чудес» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 132], «Люблю тебя, страна *Востока!*» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 133]. Называя кавказские земли *Востоком*, поэт эмоционально маркирует это пространство романтическими представлениями о Кавказе как о гармоничной вселенной; территория при этом не только включает в себя собственно Кавказ, но и распространяется на Иран («Дремлет Тегеран» [Лермонтов

1954–1958, т. 2: 194]), Иерусалим («Вот — у ног Ерусалима» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 194]), Египет («Моей желтый Нил // Раскаленные ступени» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 194]), бытие которых связано с древними цивилизациями. И сам Кавказ у Лермонтова связан с представлением о допотопных временах: «Над допотопными лесами // Мелькали маяки кругом» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Использование по отношению к Кавказу определения «допотопный», предполагающего временную характеристику, отнесенность к чрезвычайно древним временам, обусловлено его давней историей, топоним является одним из наиболее древних названий в Евразии.

Однако поэт не только включает топоним Кавказа в более широкий топоним Востока, расширяя таким образом ассоциативное поле Кавказа, но и конкретизирует его. В связи с художественной репрезентацией Кавказа как исторического пространства Лермонтов значительно увеличивает активный состав топонимических единиц русского языка. Поэт активно использует не только топоним Кавказ, но и множество частных географических названий, которые поддаются следующей систематизации:

- именование городов и координат, составляющих городское пространство: Кизляр («Он тотчас же отправил нарочного в *Кизляр*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]), Кисловодск («Приезжай через неделю в *Кисловодск*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]), Пятигорск («Вчера я приехал в *Пятигорск*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 260]), Ставрополь («Вы, верно, едете в *Ставрополь*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 204]), Тифлис («Я ехал на перекладных из *Тифлиса*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 203]), источники («Пойду к *Елизаветинскому источнику*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 261]), постройки («построен павильон, называемый *Эловой Арфой*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 262]);
- именование аулов, станиц, крепостей: Коби («Нам должно было спускаться <...>, чтоб достигнуть станции *Коби*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226]), Джемат («Велик, богат аул *Джемат*» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 267]), Бастунджи («Скажи, // Не знаешь ли аула *Бастунджи*?» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 245]), Грозная («Пишу тебе из крепости *Грозной*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 456]), Черкасск («я заезжал в *Черкасск* к генералу» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]);
- именование рек: Арагва и Кура («Внизу *Арагва* и *Кура*» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 167]), Аргуна («Шумит *Аргуна* мутною волной» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 178]), Валерик («Он отвечал мне: *Валерик*» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 172]), Терек («Лишь *Терек* в теснине Дарьяла // Гремя нарушал тишину» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 202]), Подкумок («Через струи *Подкумка* голубые» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 248]);

- именование гор и ландшафтов с ними связанных: Казбек («Под ним Казбек, как грань алмаза» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 184]), Машук и Бештау («Где за Машуком день встает, // А за крутым Бешту садится» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 156]), Гуд-гора («Гуд-Гора курилась» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 206]), Эльбрус («оканчиваясь двуглавым Эльборусом») и его кавказское именование Шат-гора («Шат подымется за ними» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 164]); Койшаурская гора («под нами лежала Койшаурская Долина» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 224]); гора Крестовая («Вот и Крестовая» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226]); Дарьяльское ущелье («В глубокой теснине Дарьяла» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 202]).

Обращение к представленным в творчестве поэта именованию исторических областей Кавказа показывает, что географические координаты этого пространства у Лермонтова обширны и соответствуют имперским границам 1830-х годов. Территорию Кавказа составляет Грузия («здесь когда-то была граница Грузии» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 225]); Кабарда («лошадь его славилась в целой Кабарде» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 211]); Авария и Чечня («В Чечню, в Аварю, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]); Дагестан («О светлом небе Дагестана?» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 274]). В письме к С. А. Раевскому от октября–ноября 1837 г. Лермонтов сообщает: «Изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 440]. Включенные в этот перечень географические объекты, приведенные в той последовательности, как пролегал путь Лермонтова по Кавказу, очерчивают его широкую территорию — охватывают Дагестан, Азербайджан и Грузию. Поэт называет как известные топонимы (Кизляр, Тамань, Кахетия), так и связанные с делами его военной службы, а именно участием Нижегородского полка в подавлении вспыхнувшего в Азербайджане восстания («Для ликвидации восстания из Кахетии (из местечка Карагач) были отправлены в Кубу два эскадрона Нижегородского драгунского полка» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 733]). В связи с отсутствием дополнений историко-литературного характера, которые бы конкретизировали время пребывания Лермонтова в этих местах, важно сделанное А. А. Бестужев-Марлинским в очерке «Путь до города Кубы» примечание, что полк Лермонтова располагался «в так называемой Новой Кубе, в двенадцати верстах от Старой <...>. Месторасположение — прелесть, плодовые леса шумят кругом» [Бестужев-Марлинский 2010: 137].

Наиболее примечательны обозначения кавказских территорий в стихотворении «Валерик». Придавая отсылкам к военным походам генерала А. П. Ермолова большую достоверность и подчеркивая опытность воинов,

Лермонтов оперирует конкретными топонимами, которые проецируются на реальную карту кавказских военных походов: «Как при Ермолове ходили // В Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Топонимы *Чечня* и *Авария* включены в контекст событий героического прошлого не случайно, именно посредством их поэт дает отсылку к кульминационным событиям военной кампании А. П. Ермолова. Результатом чеченской экспедиции стало строительство в 1818 г. крепости, которая, как вспоминает сам генерал, «стоя на удобнейшей дороге к Кавказской линии и недалеко от входа чрез урочище Хан-Кале, названа Грозною» [Ермолов 1868: 49]. Сам Лермонтов, будучи в этой крепости в июле-августе 1840 г., пишет свой «Валерик». Аналогичны коннотации топонима *Авария*. Успешное взятие Аварского ханства в 1819 г., о чем также вспоминает Ермолов («Возвышения были взяты на штыках. <...> Аварский хан пытался было предпринять поход с целью изгнать русских из своих владений, но предприятие это закончилось полной неудачей, и он вынужден был покориться» [Ермолов 1868: 79]), тоже напоминает о героическом прошлом. В черновом варианте стихотворения поэт употребляет топонимы *Чечня* и *Дагестан* («в Чечню, к аварцам, в Дагестан» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 288]), а в беловике — *Дагестан* заменяется *Аварией* («в Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]). Отказ от топонима *Дагестан* может быть обусловлен и стремлением Лермонтова подчеркнуть славу ермоловских военных походов, одним из значимых результатов которых стало взятие Аварского ханства, и собственно географическая конкретизация походов: *Авария* — это конкретная местность в обширном *Дагестане*.

Значимы в этом контексте и выбранные Лермонтовым предлоги, служащие средством выражения пространственных отношений: «В Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Используемые в сочетании с топонимами пространственные предлоги, ведущими среди которых являются предлоги «в» и «на», имеют некоторую смысловую дифференциацию, которую точно улавливает Лермонтов. Для языковой картины мира поэта характерно использование предлога «на» по отношению к пространственным территориям («С тех пор, как я на Кавказе» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]; «Спеша на север издалека» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 103]; «Чтоб путь на север заградить» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 116]), тогда как посредством предлога «в» поэт сообщает точные координаты («Завтра я еду <...> в Чечню брать пророка Шамиля» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]; «я тебе писал из действующего отряда в Чечне» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 456]). Использование того или иного предлога позволяет уловить смысловые оттенки текста. Употребление «в Чечню», а не «на Чечню», «в Аварию», а не «на Аварское ханство», что было бы логичнее в случае описания военных походов, подразумевает конкретную

направленность движения и его характер — это движение предполагает не собственно освоение территорий, но нахождение внутри их границ. Конечным в этом перечислении военных локаций является пространственное указание «к горам» — вот цель движения. Предлог «к» несколько выбивает именование этой локации из типовых конструкций топонимов с пространственным предлогом «в», но тем самым сообщается то конкретное место, в сторону которого направлены поступательные действия-движения; древние горы — это некий конечный пункт, которого нужно достигнуть и который стоит в своем роде вне политики. Поэт в беловике делает акцент именно на территорию («в Аварию»), заменяя черновое «к аварцам». Для него важен именно аспект достижения результата в пространственном отношении.

Одним из ведущих принципов поэтики Лермонтова при создании образа Кавказа является раскрытие в тексте произведений этимологии и значения названий поселений, рек, гор. При этом поэт в зависимости от контекста приводит и объяснения топонимов, бытовавшие среди горцев, и предания, ходившие в кругах русского воинства. Так, название речки Валерик поэт разъясняет от лица кавказцев, что оказывается смыслообразующим для стихотворения: «Он отвечал мне: Валерик, // А перевесь на ваш язык, // Так будет речка смерти» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 172]. В романе «Герой нашего времени» Лермонтов приводит историческое предание о горе Крестовой, могучем горном хребте, ставшем своеобразной опорой Российской империи, заслуга в этом принадлежит генералу Ермолову: «Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр 1-й, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226].

Значительное количество топонимов Лермонтов адаптирует к русской речи. Показательным своей обрусевшей кавказской топонимикой является стихотворение «Валерик». Будучи «знакомым со словоупотреблениями, характерными для речи кавказского населения» [Киселева, Поташова, Сеченых 2019: 269], что следует уже из знания им кавказских именованных гор (например, кавказское «Шат-гора» вместо общеупотребимого названия «Эльбрус»), Лермонтов в «Валерике» употребляет топонимы, используемые в русской армии, акцентируя тем самым точку зрения русской стороны, поэт представляет взгляд русского кавказца. И это наиболее заметно именно благодаря топонимам. Чеченское название реки Гихи (ГихтIа) в стихотворении адаптируется под русскую речь и вместе с наречием времени «раз» создает стилизованное под разговорное повествование о героических подвигах: «Раз — это было под *Гихами*» [Лермонтов 1954–1958,

т. 2: 169]. Аналогичный процесс наблюдается и в связи с названием реки Валерик, которая в чеченском языке звучит как Валарта, Валериг, Валерг, Вайрик. Подобными адаптированными к русской речи топонимами пользовались в военной среде, в такой адаптации топонимы помещены на карту военных крепостей Российской империи [Фелицын 188?]. Лермонтов четко различает именованья земель Кавказа — Чечня, Авария, Ичкерия. Употребление последнего топонима особенно примечательно. Именованье *Ичкерия* («Из гор *Ичкерии* далекой // Уже в Чечню на братний зов // Толпы стекались удальцов» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]) не встречалось в известных письменных и фольклорных источниках народов Кавказа; естественно предположить, что оно было в употреблении русской армии. В среде самих чеченцев юго-восточная территория, названная Ичкерией, именуется как Нохчи-мохк (в буквальном переводе «Чеченская земля» [Кушева 1963: 74]). Эта этимология породила частое ошибочное распространение названия на всю территорию Чечни, тогда как топоним Ичкерия, возможно, образованный от названия реки Искерк, использовался для обобщенного обозначения юго-восточных сел в русских военных документах. В частности, это название в виде топонима *Ичкери* присутствует на военно-исторической карте Северного Кавказа, обозначающей местонахождение оборонительных сооружений. Именованье *ичкеринцы* присутствует и в воспоминаниях генерала Ермолова: «Тогда же дали знать лазутчики, что пришли чеченцы, по Мичику живущие, часть ичкеринцев и несколько лезгин» [Ермолов 1868: 182].

Как следует из воспоминаний генерала Ермолова, в военной среде четко различались этнонимы, обозначающие многонациональное население Кавказа. Лермонтов также использует множество названий этнических общностей, посредством которых создает цельный национальный портрет Кавказа, опровергая при этом бытовавшую в путевых наблюдениях 1830-х гг. одностороннюю оценку этой территории как «средоточия опасного для русских мусульманского народа» [Шишков 1835: 57]. В «Перечне писем из Грузии» (1835) А. А. Шишков категорично заключает: «Народ очень дикий, необузданный, только лишь имеющий веру, но никаких при этом высоких нравов» [Шишков 1835: 57]. Лермонтов, узнавая культуру Кавказа, отказывается от столь категоричных суждений. В качестве обобщенного именованья кавказских народов Лермонтов использует этноним *татарин*, посредством сочетания с ним определения *мирной*, т. е. не воюющий с русскими, поэт стирает привычные для фольклора и древнерусской словесности отрицательные коннотации этой лексемы: «Мирной татарин свой намаз // Творит, не подымая глаз» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 207].

Помимо обобщенного именованья горских народов, Лермонтов включает в свое повествование целый спектр этнонимов, отражающий основное

население Кавказа: кабардинец («наши *кабардинцы* или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 207]; «в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие *кабардинцы*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 281]); грузин, грузинка («Тут толпилось шумно десятка два *грузин* и горцев» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 204]; «это совсем не то, что *грузинки*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]); лезгинец, лезгинка («*Лезгинец*, слыша голос брани, // Готовит стрелы и кинжал» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 168]; «Пусть, подойдя, *лезгинку* он узнает: // В ее чертах земная жизнь играет» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 169]); чеченец («Свободный, как *чеченец* удалой» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 76]; «Сидел *чечен* однажды предо мною» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 156]); осетин («порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно *осетины!*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 207]); черкес, черкешенка («*Черкесы* храбрые не спят» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 20]; «*Черкесов* тучные стада» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 18]; «Меж тем *черкешенки* молодые // Взбегают на горы крутые» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 17]). Обобщая данные к этнонимам определения-характеристики в национальный портрет кавказского жителя, можно заключить, что на первый план в этом портрете выходят смелость, общность, свободолюбие. При этом принципиальных различий между представителями различных этносов Лермонтов не проводит, выделяет только осетин, ведущих мирную жизнь и исповедующих христианство, на чем поэт не делает акцент, отмечая лишь их миролюбивость как свойство характера. В случае же с представительницами кавказских этносов поэт акцентирует их молодость и красоту. Обращение к личным именам в кавказском тексте Лермонтова позволяет сказать, что поэт был сведущ в культуре многих кавказских этносов и включал в повествование аварские (Куршуд-бек), кабардино-черкесские (Азамат, Бей-Булат, Казбич), ингушские (Акбулат, Бэла), чеченские (Ахмат-Булат), лезгинские (Ахмет, Ашик-Кериб), кумыкские (Гарун, Гирей), табасаранские (Гюльнара), абхазские (Зара, Ибрагим, Измаил-бей, Селим) антропонимы [Намиткова, 2012].

Еще одним лексическим средством воссоздания национального колорита Кавказа являются этнографизмы. Знатком бытовых реалий Кавказа у Лермонтова становится кавказец — герой одноименного очерка, «тип русского офицера, сформированного кавказской войной» [Юхнова 215]. В сравнении с предшествующими путевыми очерками у Лермонтова образы, обозначаемые бытовой и военной лексикой, не остаются одиночно упомянутыми, они слагаются в цельные этнографические зарисовки, что позволяет говорить о сочетании в «Кавказце» признаков как физиологического очерка, так и путевого. Сочетающийся с художественным изображением публицистико-документальный принцип создания кавказского

пространства в очерке Лермонтова позволяет рассматривать «Кавказца» в одном ряду с передающими в реалистическом ключе кавказскую атмосферу путевыми заметками А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина, представляющими Кавказ в «земной плоскости» [Поташова 2020: 260].

Показательно в этом отношении использование лексемы «бурка», которая встречается и у Пушкина, и у Грибоедова, и у Лермонтова, но именно у последнего бурка приобретает характер знакового для своего времени явления, использование этого слова позволяет оценить степень взаимопроникновения элементов языка и культуры русских и кавказцев. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин в портрете черкеса приводит бурку как характерную деталь горского облачения: «В косматой шапке, в бурке черной, // К луке склоняясь, на стремяна // Ногою стройной опираясь, // Летал по воле скакуна» [Пушкин 1937–1959, т. 4: 99]. В своих этнографических зарисовках и Грибоедов, и Пушкин ограничиваются упоминанием этого вида верхней одежды, ее назначение, связанное с удобством в дороге, понятно из контекста: «Щедро обсыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем» [Грибоедов 1959: 411]; «Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости» [Пушкин 1937–1959, т. 8: 463]. Поэтам не нужно давать пояснений к бурке, с пребыванием русских на Кавказе она уже стала типичным элементом портрета не только горца, но и русского воина. Лермонтов же в «Кавказце», стремясь к цельному представлению образа армейского офицера, создает широкое культурно-смысловое поле слова *бурка*, включающее обстоятельное объяснение ее назначения («бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего!»; «он спит на ней и покрывает ею лошадь» [Лермонтов 1954–1958 т. 6: 350]); сообщение о ней как о своеобразном знаковом явлении эпохи, окруженном героическим ореолом («прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]); описание ее внешних особенностей («бел<ая> с черной каймой внизу» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]). Обращает на себя внимание и включенное в описание бурки указание на наличие неких требований к ней, важность приобретения именно лучшего ее образца: «Он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую Андийскую бурку» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]. Этнониму *андийский* в данном контексте соответствует ассоциация с подлинностью, качеством. Белые и черные андийские бурки изготовлялись коренным народом Дагестана и ценились как самые красивые на Кавказе и за его пределами, андийская бурка была и у самого Лермонтова (поэт в такой бурке изображен на автопортрете в форме Нижегородского драгунского полка, 1837). Причина указанной поэтом сложности в приобретении

такой бурки объясняется «Предписанием генерала Ермолова грузинскому губернатору о запрещении горцам Дагестана прибывать в Грузию по торговым делам» (1821), которое ограничивало возможность горцев продавать бурки: «Чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как об именах тех, кому оные принадлежат» [Ермолов 1821]. Создавая реалистический образ, поэт с доброй иронией включает в характеристику кавказца «разные хитрости и пронырства» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350].

У «настоящего кавказца», портрет которого создает Лермонтов в очерке, должны быть не только «настоящая» бурка, но и «настоящее» оружие и конь. Как и в случае с буркой, этим составляющим образа кавказца даются самые превосходные характеристики: «настоящая», «отличная», «чистая» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349]. Если Грибоедов в своих путевых заметках не уделяет внимания оружию вовсе, Пушкин ограничивается только номинацией оружия и его общими характеристиками («кинжал и шашка суть члены их тела» [Пушкин 1937–1959, т. 8: 449]), то Лермонтов значительно расширяет перечень оружия. Поэт впервые включает в кавказский текст этнографизмы, связанные с чеченскими обозначениями оружия, этот перечень сопровождается комментариями, позволяющими оценить приведенные предметы как истинные произведения кавказских мастеровых: «У него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал — старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349]. Представленный перечень составляет не только привычное для русского языка слово *шашка*, посредством которого именуется уставной тип холодного оружия, вошедшего в обиход русской армии в первой трети XIX в., но и этнографизмы *гурда* и *базалай*. Значимо, что Лермонтов, создавая портрет офицера, пребывающего на Кавказе, изображает его как ценителя и знатока оружия, он подчеркнуто владеет лучшим оружием. В «Герое нашего времени» Лермонтов указывал на необходимость лучшего оружия для горца: «Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 211]. Аналогично и у русского офицера оружие составляет предмет его гордости. И шашка, и кинжал, и пистолет кавказца сопровождаются уточняющими разъяснениями, качественно выделяющими это оружие. У кавказца не типовая шашка, а чеченское оружие с характерным клеймом на клинке — гурда, которая, как отмечает военный историк В. А. Потто, «не уступала старым европейским клинкам, но даже превосходила их» [Потто 1887–1889]. У него не простой кинжал, а базалай — в качестве номинации оружия используется клеймо «Базалай», сообщающее о принадлежности клинков известным мастерам из

рода кумыкских булатников. Ценность этого кинжала Лермонтов также нисколько не преувеличивает, редкость его подчеркивает В. А. Потто: «Настоящие из них так редки, что немногим удавалось даже видеть их, и большинству они известны только понаслышке» [Потто 1887–1889]. Образ офицера с двумя шашками в руках типичен для рисунков Лермонтова кавказского периода. Лучший у кавказца и конь («Лошадь — чистый Шаллох»), что подчеркнуто в этнографизме, обозначающем породу лошади, названную по именованию конного завода; достоинством этой породы была «особая выносливость» [Казиев, Карпеев 2003: 86].

Кавказ в художественном мире Лермонтова отличается топографической точностью. Многочисленные топонимы, обозначающие как широкие территории, так и более узкие, конкретные локации, встречаются и в поэмах Лермонтова, составляющих своеобразный кавказский цикл, и в лирике, и в прозе, и в письмах, поэтому «кавказскому тексту» поэта, детально воспроизводящему местный колорит, присущ очерковый характер. Кавказский текст Лермонтова привлекает внимание представленным срезом кавказской жизни эпохи военной кампании 1820-х — начала 1840-х гг. Поэт, усвоив «вполне нравы и обычаи горцев» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349], в деталях представляет язык и культуру кавказского народа, слагающиеся в единый кавказский мир. Лермонтов представляет Кавказ и в его онтологии, связанной с пониманием сущности восточного мира и его связи с древностью, и в его конкретно историческом воплощении, явленном в яркой этнографичности, особой топонимике, многообразии именовании населяющих его народов, в передаче их характеров и взаимоотношений.

Источники

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 12 томах. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900–1948. Т. XII. 1926. 586 с.

Бестужев-Марлинский А. А. Путь до города Кубы / Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 133–144.

Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 782 с.

Ермолов А. П. Предписание генерала Ермолова грузинскому губернатору о запрещении горцам Дагестана прибывать в Грузию по торговым делам. 1821. URL: <https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Dvizenie/1-20/18.php> (дата обращения: 20.04.2023).

Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова: В 2-х ч. Ч. II (1816–1827). М.: Университетская типография, 1868. 727 с.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Кн. склад В. А. Березовского, 1887–1889. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Potto_V_A/Kavk_vojna_4/text44.php (дата обращения: 18.04.2023).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. 1937. 483 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8. Романы и повести. Путешествия. Кн. 1. — 1948. 496 с.

Фелицын Е. Д. Военно-историческая карта Северо-западного Кавказа с обозначением местонахождения не существующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны [Карты]. Тифлис, 188?. 2 л.

Шишков А. А. Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: В 4 ч. СПб.: В тип. Императорской Российской Академии, 1835. Ч. 3. 143 с.

Литература

Ахмадова Т. Х. Кавказ и кавказцы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Современный ученый. 2018. № 1. С. 57–61.

Багратион-Мухранели И. Л. Концепт кавказского пленника в русской литературе XIX в. // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 178–201. DOI 10.23683/2500-3224-2019-3-178-201.

Бородина Н. А. Экзотическая лексика в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 83–87. DOI 10.24411/1811-1629-2018-13083.

Дионк К. М. Лексическое воплощение образа Кавказа в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 85–88.

Джаубаева Ф. И. Этнокультурные явления — способ взаимодействия языков на Кавказе (на примере произведений М. Ю. Лермонтова) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 114–123.

Добродомов И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. М.: М-во просвещения РСФСР, 1967. С. 364–374.

Захаров В. А. «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. С. 26–81.

Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2003. 451 с.

- Киселева И. А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 91–106. DOI 10.15393/j9.art.2019.6422.
- Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. 2019. № 10. С. 264–279. DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: АН СССР, 1963. 371 с.
- Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 5–22.
- Маркелов Н. В. Лермонтов и Северный Кавказ. Пятигорск: Снег, 2008. 384 с.
- Намиткова Р. Ю. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М.: ФЛИНТА, 2012. 584 с.
- Поташова К. А. Поэтика визуального образа в «кавказском тексте» А. С. Грибоедова // Научный диалог. 2020. № 3. С. 250–264. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-250-264.
- Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск: Орджоникидзево краев. изд-во, 1939. 224 с.
- Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 47–57. DOI 10.17223/18137083/53/6.
- Шипулина Г. И. Этимологически восточная лексика в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (по материалам двухтомного «Словаря языка Лермонтова») // Метеор-Сити. 2016. № 6. С. 22–37.
- Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7–8. С. 698–734.
- Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (дата обращения: 24.04.2023).

References

- Akhmadova T. Kh. [The Caucasus and the Caucasians in M. Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Sovremennyyi uchenyi*, 2018, no. 1, pp. 57–61. (In Russ.)
- Bagration-Mukhraneli I. L. [The concept of the Caucasian prisoner in the Russian literature of the 19th century]. *Novoye proshloye*, 2019, no. 3, pp. 178–201. (In Russ.)
- Borodina N. A. [Exotic vocabulary in the Caucasian poems of M. Yu. Lermontov]. *Mir russkogo slova*, 2018, no. 3, pp. 83–87. (In Russ.)
- Dionk K. M. [Lexical embodiment of the image of the Caucasus in M. Yu. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no 1, pp. 85–88. (In Russ.)
- Dzhaubayeva F. I. [Lexical embodiment of the image of the Caucasus in M. Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 59, pp. 114–123. (In Russ.)

- Dobrodomov I. G. [Some questions of studying Turkisms in the Russian language]. *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1967, pp. 364–374. (In Russ.)
- Zakharov V. A. [“Orientalism” by Edward Said and the perception of the North Caucasus as the East in the works of M. Yu. Lermontov]. *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza*. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2014, pp. 26–81. (In Russ.)
- Kaziyev Sh. M., Karpeyev I. V. *Povsednevnaya zhizn' gortsev Severnogo Kavkaza v XIX veke* [Everyday life of the highlanders of the North Caucasus in the 19th century]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2003, 451 p.
- Kiseleva I. A. [On the semantic integrity of the definitive text of M. Yu. Lermontov's poem “The Demon” (1839)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 91–106. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A., Sechenykh E. A. [The creative history of M. Yu. Lermontov's poem “Dispute” (1841) in a cultural and historical context]. *Nauchnyi dialog*, 2019, no. 10, pp. 264–279. (In Russ.)
- Kusheva E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiyei* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia]. Moscow, Acad. of Sciences of the USSR Publ., 1963, 371 p.
- Lotman Yu. M. [The Problem of East and West in the work of the late Lermontov]. *Lermontovskii sbornik* [The Lermontov Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 5–22. (In Russ.)
- Markelov N. V. *Lermontov i Severnyi Kavkaz* [Lermontov and the North Caucasus]. Pyatigorsk, Sneg Publ., 2008, 384 p.
- Namitkova R. Yu. *Svodnyi slovar' lichnykh imen narodov Severnogo Kavkaza* [Consolidated dictionary of personal names of the peoples of the North Caucasus]. Moscow, FLINTA Publ., 2012, 584 p.
- Potashova K. A. [The poetics of the visual image in the “Caucasian text” by A. S. Griboyedov]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 3, pp. 250–264. (In Russ.)
- Khodanen L. A. [The cultural concept “Caucasus” and its text-forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 47–57. (In Russ.)
- Shipulina G. I. [Etymologically Eastern Lexis in the Lermontov's Novel “Hero of Our Time” (on materials of the two-volume “Dictionary of Lermontov's Language”)]. *Meteor-Siti*, 2016, no. 6, pp. 22–37. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Capital letters in secular and ecclesiastical printing]. *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Collection. Scientific works of teachers of Sretensky Theological Seminary], 2017, no. 7–8, pp. 698–734. (In Russ.)
- Yukhnova I. S. [The essay “The Caucasian” in the context of the work of M. Yu. Lermontov]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1–1. (In Russ.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (accessed 24.04.2023).